

Константин Коничев

ИЗОГРАФ ДИОНИСИЙ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ПОВЕСТЬ ОБ ИЗОГРАФЕ ДИОНИСИИ»

Стоял и был на исходе март 1500 года...

Впервые за свою молодую жизнь ехали на Север сыновья Дионисия — Феодосий и Владимир, без большой охоты, но с любопытством увидеть своими глазами, чем отлична Северная Русь от Подмосковья, где они родились, выросли и обучились у отца.

— Не браните, дети мои, — не раз говорил Дионисий сыновьям, — за то, что везу вас в даль неведомую. А меня влечет туда сила божественная, сила предчувственная, как весной влечет из теплых стран старого лебедя на север, где он из яйца явился на свет. Годы мои не малые, шестьдесят нынче. Как знать, может, там я исполню свою последнюю лебединую песню. Сам я не помню матери и не знаю отца своего, с младенческих лет стал выкормышем-детенышем монастырским. В отроческое время слыхивал от стариков, что крестил меня в Балавинской пустыни в последний год своей жизни некий знатный человек, именем Александр, основатель Куштского скита, и нарек меня Дионисием не во имя эллинского языческого бога Диониса (был такой), а в честь своего закадычного дружка — славного иконника и создателя двух малых монастырей, Глушицкого и Сосновецкого. И тот Дионисий Глушицкий живописец был прототипный, не только иконы по вымыслу, как uspение с толкованием в лицах, но и парсуны с живых людей списывал, с того же Кирилла Белозерского и Григория Пельшемского. Прославился он делами своими. Бог даст, и о нас люди доброе слово скажут. И наша копеечка не щербата. Иконы моего письма в соседстве с трудами преславного Андрея Рублева. Могу я этим гордиться? Могу...

...За два века — четырнадцатый и пятнадцатый — вокруг Вологды возникло шестнадцать монастырей.

Самый ранний, первый из первых, Спасо-Каменный — на малом острове Кубенского озера. Наименование «Каменного» монастырь получил не потому, что был построен на островке, огражденном от бурь булыжником и валунами. Когда-то монастырь назывался Балавинской пустынью, принадлежавшей деревне Балавино. Но с построением здесь первого каменного храма на вологодском Севере, в отличие от всех деревянных, монастырь стал именоваться Спасо-Каменным.

Не задерживаясь в Вологде, Дионисий с сыновьями и со всем своим дорожным скарбом и необходимыми в искусстве принадлежностями доб-

рались до западного побережья Кубенского озера.

Выбеленный известью монастырь издали казался светлым пятном на темно-синем озерном просторе. С двух сторон Спасо-Каменного громоздились громады льда, занесенного ветрами с юга и севера. На поверхности озера раскачивались и дробились на волнах последние льдины.

На осиновом плоскодонном карбасе пересекли наискосок озеро. У Спаса Дионисия уже ждали. Знали о его нахождении на Обноре. И знали, что мимо Спаса он не промахнет в Феропонтово. Но задержаться здесь Дионисию не довелось.

Во-первых, о росписи стен храма нельзя было и думать. В каменном здании с малыми окнами под самыми сводами стоял мрак, подобный темнице. Устроено так ради того, чтобы высланным опальным князьям, боярам и провинившимся духовным особам было здесь не радостно и невесело.

Игумену Дионисий так и сказал:

— Нет нужды расписывать стены «житиями» или картинами, как подсказывает нам библия. В такой темноте их никто не увидит, а увидит — не различит. Нет смысла тратить время и силы на то, что не приносит радости ни творцам, ни добрым людям.

Игумен с ним согласился.

Рассматривая иконостас все теми «чинами» святых, похожих один на другого, Дионисий приметил над царскими вратами Деисус.

— Ребята, смотрите-ка! — подозвал он к себе сыновей. — Не наша ли это работка? Посветите поярче. Да, да, наша! Это мы писали по заказу и просьбе князя Андрея Меньшого, младшего брата великого князя Ивана Васильевича. Как сюда попал наш труд?

— Андрей Меньшой подарил все три работы нам, монастырю, — пояснил игумен и спро-

Владимир Рублев
27 апреля 1928 г.

К. И. Коничев у себя дома.
Ленинград, сентябрь, 1967 г.

сил: — А почто не начертано на обратной стороне изображений, что сие есть труд иконника Дионисия?

— Кошунственно и не принято ставить свое имя изографу на иконах. Однако я иногда нарушаю это правило. Стоит отнять верхнюю шпону на иконе Спаса, и будет зримо под ней написано: «Деисус Денисьева письмени». Скажи, отче, уютно здесь живет монашествующим в таком удалении от всего мирского?

— Не гневим Бога, — ответил Дионисию игумен, — живем не тужим. Земли под нами мало. Воды и неба предостаточно. А где небо — там и Бог, а где вода — там и рыба, повседневное питание наше.

— Злые люди не тревожат?

— Бог оберегает нас неприступностью. Татарва не бывала, и Шемякины сюда не заходили. Отец нынешнего государя Василий Темный здесь отсиживался от напастей, потом бояре снова позвали его на московский престол. Жапею, Дионисий, малое время заездом побудешь у нас. Все отставные духовники тянутся в Кириллов Белозерский да в Ферапонтово. Там живей. А где спастись душу от соблазнов, как не у нас? В глуши, в тиши, в озерном окружении. Добрые у тебя, Дионисий, помощники, парни в годах и в силах. Иконописцы вы все трое, а не в монашествующем чине. Почему?

— Да, отче, ребята мои уже лет по пятнадцать со мной работают. Поженились, им не до монашества. Я тоже не изнурен телом, а душу мы спасаем делом. Священное писание ведаем не хуже других. Начитаны. А вот молиться не усердны: забежим на богослужение, грешные, одному богу мигнем, другому кивнем, а третий пусть сам догадается, и — скорей за дело братья. Ну и сделано нашими руками то там, то тут немало.

— Наслышаны, наслышаны. Трудитесь, а за здоровье тебя и чад твоих мы помолимся, — сказал игумен и спросил: — Люб ли тебе, Дионисий, наш Каменный Спас?

— Если все пять глав посеребрить, да кресты поставить железные, да над входом росписью украсить стену, да еще колокольню поставить с набором колоколов, то, пожалуй, такому храму прилично было бы и в Москве на кремлевском взгорье стоять. Внутри мрачноват. Не хватает радостного взлета.

— Так уж строители усмотрели. Да и князь Андрей Меньшой похвалил. Бог и в потемках нас увидит и услышит... — возразил игумен.

— Но увидят ли Бога во мраке таком молящиеся?

— Не увидят — почувствуют. Страх перед Богом почувствуют. А это нам, пастырям, и надо. Чтобы люди Бога боялись и Великого князя почитали. Жили безраздорно, в едином могуществе, непобедимом никакой вражьей силой. Довольно. Натерпелась Русь удельная, сама на себя нападавшая в угоду иноземцам — иноязычникам, иноверцам всяким. А кто из больших людей не поймет сего, тому и наш Спас Каменный узипищем, местом заточения станет...

Ожидая доброй погоды на озере, неделю прожил Дионисий с сыновьями у Спаса. За дело живописное не брались. Хватит того, что Деисус дионисиевой работы здесь в иконостасе.

Феодосий и Владимир с монахами ловили неводом рыбу. И не столько им доставалось от улова, сколько бесчисленное множество чаек нападало и выхватывало, когда сеть вытаскивали на берег. И никогда, и нигде сыновья Дионисия не видели такого обилия рыбы, как на Кубенском озере, и столько крикливых и назойливых чаек. И перелетной птицы — уток, гусей и лебедей на озере и в притоках в эту весеннюю пору видимо-невидимо. Прилетали птицы из далеких палестин, плодились, размножались на Русском Севере и снова, с осени, на всю зиму до весны исчезали в таких краях, куда заглядывали от нас редкие паломники-пилигримы да единственный смельчак — тверской купец Афанасий Никитин.

Наконец установилась на озере тишь да гладь. На монастырском паруснике, преодолев полсотни верст пути, Дионисий с сыновьями прибыл к устью реки Порозовицы. Отсель где лодкой, где волоком на волокушах, через леса, через поля и деревни держали они прямым путем на Ферапонтово. Отощавшие за зиму коровьи стада выходили на серую луговину, на подножные корма. И первые пахари вздымали сырую землю к весеннему севу. Мельницы приветливо махали крыльями, приглашая московских изографов в этот отнюдь не глухой Белозерский край.

На Сугорье, перед Бородаевским озером, показался из-за леса купол каменной Ферапонтовской церкви. Остановились подводы-волокуши. Дионисий снял с головы собачий трехух, покрестился и сказал:

— Вот, ребята, где, должно быть, мы загостимся. Не зря нас сюда зовут и не зря нас там ждут люди знающие, понимающие. Поехали! Немного осталось... (Журнальный вариант).

Комарово,
октябрь 1969 г.

К. Коничев у Коровинской школы.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

«В марте исполнилось сто лет со дня рождения Константина Ивановича Коничева.

В литературной гостини библиотеки села Устье в связи с этим был открыт музей знаменитого земляка, а учащиеся школ района подготовили литературно-театральную композицию по произведениям писателя — встреча с его творчеством получила интересной и душевной. Его повести и рассказы на темы деревенской жизни и российской истории раскрывают во всей полноте характер русского человека, прививают любовь к родному краю и Отечеству.

На эту встречу приехал уроженец устьянской земли, известный вологодский художник Генрих Асафов.

Более сорока работ, подаренных им в разные годы своим землякам, стали основой для создания в Устье своей картинной галереи. По его же инициативе появилась и галерея картин художников Вологды в Первомайской школе, которая находится в шестидесяти километрах от районного центра.

Книги писателя и картины художника работают на будущее родного края.

Юрий Стригин,
председатель совета
ветеранов района.

Совещание молодых писателей в Вологде. 1955 г

Слева направо: Б. Ромодин
С. Викулов, К. Коничев, А. Романов
В. Викулов, А. Петухов, В. Малков